Был уже поздний вечер, когда Ли Яоинь вошла во дворец. На небе уже мерцали точки холодных звезд, а огромная твердь на западе была залита вечерним солнцем. Павильоны и башни, возвышавшиеся над дворцовой площадью, купались в ярком золотом сиянии, отбрасывая великолепный силуэт на плотные ряды коридоров, террас и крытых переходов.

Ветерок принес порыв прохлады.

Стоя у подножия длинных ступеней, можно было смутно разглядеть оживленный пир. Зал был полон теней, радостных возгласов и смеха. За наполовину свернутой бисерной занавеской возвышающегося на несколько этажей павильона стояли нарядно одетые люди.

Под сценой размещалась группа музыкантов с лютнями, пипами, плетеными рожками, конгу, хукинами, кожаными барабанами, зубными пластинами и золотыми колокольчиками. На сцене танцоры в красочных одеждах кружились под звуки музыки.

Ли Яоинь вышла из кареты и встала перед ступенями, глядя на павильон, стоящий на высокой платформе. Ее одежда развевалась на ветру, а лицо ярко сияло.

Молодой человек, ожидавший ее на лунной платформе, долго смотрел на нее в благоговейном страхе, потом опомнился и сделал несколько шагов вниз по длинным ступеням, чтобы встать перед ней, запыхавшийся, бледный и торопливый.

Ли Яоинь улыбнулась и сказала:

- Третий молодой господин.

Чжэн Цзин молча смотрел на нее, и вдруг протянул руку и сжал ее запястье:

- Принцесса... пойдемте со мной.

Ли Яоинь была ошеломлена.

Чжэн Цзин покраснел до основания шеи и, заикаясь, сказал:

- Есть кое-что, о чем я не сказал принцессе... Причина, по которой семья Чжэн предложила брак Цинь-вану, не в том, что мой отец ценил ваш статус. А потому, что... я люблю принцессу.

Когда эти слова вырвались из его рта, он покраснел еще сильнее. Его голова опустилась ниже, тело было обжигающе горячим, и практически можно было разглядеть пар, исходящий от его макушки.

- Еще до того, как семья Чжэн предложила... брак, я... уже встречался... с... принцессой.

Седьмая принцесса, возможно, и не помнит об этом, однако Чжэн Цзин выгравировал те встречи в своем сердце. Впервые он встретил седьмую принцессу весной, когда цвели персики и сливы. Молодые сыновья и дочери уезда Вэй договорились о поездке за город, чтобы полюбоваться весенними пейзажами. Чжэн Цзин соревновался со своим старшим братом-шу и

упал с лошади, весь вымазавшись в грязи.

Его братья и сестры сидели на своих лошадях и насмехались над ним за его бесполезность. Чжэн Цзин был весь в грязи, его ноги запутались в поводьях, и он не мог подняться. Его старший брат-шу наблюдал издалека, ожидая, что он позовет на помощь, однако он был слишком унижен и не желал открывать рот.

Несколько богатых молодых людей погнали своих лошадей вокруг него и намеренно дергали его за одежду и развязали пояс в попытке унизить его. Вдруг в воздухе раздался звук кнута и седьмая принцесса, одетая в серебристо-красную куртку и гранатовое платье, примчалась вниз с холма, разгоняя кнутом молодых задир.

Юноши были в ярости. Они уже собирались высмеять седьмую принцессу, как вдруг увидели Ли Чжунцяня, который остановил свою лошадь у абрикосовой рощи и беспечно смотрел в эту сторону. Они испугались и тут же разбежались.

Седьмая принцесса убрала хлыст, осторожно сняла с Чжэн Цзина опутавшие его правую ногу поводья и оставила слугу присматривать за ним, а сама развернула коня и направился к Ли Чжунцяню.

Чжэн Цзин, лежавший в луже грязи, поднял лицо вверх, и его глаза следили за удаляющейся молодой девушкой. Ее улыбка затмила цветущий абрикосовый лес длиной в десять ли.

Позже Чжэн Цзин снова встретил знаменитую благородную дочь семьи Ли на частном банкете. Она сильно отличалась от той девушки, которую он встретил в первый раз. Тихая, нежная и величественная, она совсем не была похожа на ту девушку, которая скакала, размахивая кнутом на весеннем ветру.

В третий раз Чжэн Цзин увидел седьмую принцессу осенью, когда деревья гингко покрывала золотая листва. В тот вечер Ли Чжунцянь устроил банкет в ванфу. Во время банкета Чжэн Цзина дразнил лучший друг его старшего брата, поэтому он выпил слишком много вина и по ошибке зашел на задний двор ванфу.

Он подошел к павильону и в опьянении услышал тихий женский смех. Понимая, что попал в ловушку, он спрятался в кустах пиона у подножия лестницы.

Муслиновая занавеска в павильоне была высоко поднята, свечи ярко горели, а стол был уставлен роскошными блюдами и экзотическими деликатесами. Более дюжины красиво одетых наложниц ванфу сидели, лежали или стояли, с улыбкой на лицах наблюдая за женщиной, танцующей во дворе перед домом.

Чуть позже музыка прекратилась. Женщина улыбнулась и выразила свое почтение в сторону главного стола. Наложницы засмеялись и сказали:

- Танец Лю-ши не так хорош, как танец Ци-нян!

Лю-ши не согласилась, и наложницы уговорили Ци-нян соревноваться с ней.

Молодая хрупкая девушка с волосами, зачесанными в двойную «булочку», смело вышла на сцену, сняла туфли и встала на круглый ковер. Подняв золотой колокольчик в руке, она оглядделась вокруг с улыбкой на лице, медленно изгибая талию. Ее платье развевалось, и в свете лампы была видна ее белоснежная кожа.

Чжэн Цзин покраснел и его сердце бешено заколотилось. Он не осмеливался больше смотреть, но просто не мог заставить себя отвести взгляд. Он никогда в жизни не видел такого красивого танца. Женственный и нежный, мягкий, но энергичный. Девичья талия изгибалась, как ива на ветру, как волны весенней реки.

На полпути танца высокий охранник вытащил Чжэн Цзина из-за куста пиона и нанес ему несколько ударов по лицу. Благородные дамы в павильоне отругали его, называя распутником и негодяем, и он, запинаясь, попытался объяснить.

Девушка прошла на веранду. Она была вся в поту, и ее кожа под платьем сияла, как снег. Она взглянула на Чжэн Цзина, улыбнулась и сказала своему охраннику:

- А-Цин, он гость моего брата. Скорее всего, он напился и зашел сюда по ошибке. Отправь его.

Охранник ответил и отправил Чжэн Цзина обратно на его место. Только убедившись, что он был третьим сыном семьи Чжэн, он отпустил его.

Когда Чжэн Цзин протрезвел и спокойно расспросил, он узнал, что Ли Яоинь в тот вечер танцевала танец Ху.

В четвертый раз он увидел седьмую принцессу, когда смотрел танец Ху на площади Пингкан. При каждой их встрече он представлял собой полный беспорядок.

Именно во время этих неудачных встреч Чжэн Цзин понял, что седьмая принцесса не была такой уж надменной и отчужденной благородной дочерью, как говорили все городские плейбои. Она была такой красивой, такой яркой, такой живой и настоящей.

Она праведно спасала юношу, которого высмеивали и унижали, игриво кокетничала со своим братом, весело танцевала с наложницами ванфу, холодно прогоняла богатых юношей и вежливо обращалась с женщинами из благородных семей.

Она тоже боится. Она тоже может быть беспомощной.

Ярко светившее вечернее солнце заливало длинные ступени закатным светом.

Чжэн Цзин сжал руку Ли Яоинь, поднял все еще красное лицо и торжественно сказал:

- Я восхищаюсь вами, принцесса. Солнце и луна могут быть свидетелями. Пусть Цинь-вана больше нет, я буду таким же, как Цинь-ван. Я буду заботиться о принцессе и уважать вас. Принцесса может кататься верхом, если захочет, танцевать, если пожелает...

Он сделал долгую паузу:

- Я действительно не могу вынести того, что принцесса ступит на эту платформу.

Если седьмая принцесса пойдет туда, то станет овцой, попавшей в пасть тигра!

Ли Яоинь посмотрела на Чжэн Цзина и на ее лице медленно появилась легкая улыбка.

- Спасибо вам, третий молодой господин Чжэн.

Его мальчишеское обожание было искренним, тонким и застенчивым. Даже если это был всего лишь его порыв, он заслуживал доброго и уважительного отношения.

- Моему брату никогда не нравились ученые мужчины, я раньше удивлялась, как он мог выбрать вас... – Ли Яоинь улыбнулась, - Он не ошибся в вас, третий молодой господин Чжэн, вы мужчина, достойный пожизненных обязательств.

Горло Чжэн Цзина несколько раз сжалось, и он сказал со стыдом:

- Я действительно некомпетентен, я не могу защитить принцессу и не могу спасти Цинь-вана... Я...

Ли Яоинь прервала его:

- Вы уже много раз помогали мне, и я храню все это в своем сердце.

- Принцесса, пойдемте со мной... - прошептал Чжэн Цзин.

Ли Яоинь покачала головой:

- Третий молодой господин Чжэн, когда мне было пять лет, меня бросили на поле боя. Все говорили, что я умерла, но мой старший брат отправился через поле боя один, чтобы спасти меня, несмотря на сопротивление верных слуг. Война все еще продолжалась, и мой брат целыми днями рылся в грудах трупов, чтобы найти меня. Солдаты не успели уйти далеко, и мы не могли признаться, что мы дети семьи Ли. Мой брат взял меня с собой на север. Я не могла

идти, поэтому брат нес меня на своей спине...

....

Ли Чжунцяню было всего одиннадцать лет, когда он, неся Ли Яоинь на спине, ушел на север, чтобы спрятаться в Западном Занг. Когда не было еды, Ли Чжунцянь выкапывал корни травы, ловил змей и крыс в пещерах и выпрашивал милостыню, а иногда дрался с другими беженцами за еду. Оставшись без обуви, Ли Чжунцянь сорвал с себя одежду и обмотал ей ноги, но сам всю дорогу ходил босиком. Его ступни покрылись шрамами.

Когда он столкнулся с мятежными солдатами, которые жгли и мародерствовали, Ли Чжунцянь взвалил Ли Яоинь на спину, чтобы сбежать. Он уже несколько лет не занимался боевыми искусствами и сам все еще был ребенком. Он не был таким сильным, каким стал позже, и не мог бежать достаточно быстро. Несколько раз его чуть не догнали.

Однажды Ли Яоинь упала с его спины. Стук лошадиных копыт раздался прямо у нее в ушах. Она скатилась в траву, не издав ни звука. Продолжая бежать, Ли Чжунцянь вскоре понял, что она исчезла. Он обернулся и увидел ее в окружении армии бунтовщиков. Его глаза широко распахнулись. Другие беглецы, бежавшие вместе с ним, кричали ему вслед: «Глупый мальчишка! Беги! Беги!»

Ли Яоинь лежала на земле, внутренне крича: «Беги, брат, беги!»

Ли Чжунцянь не побежал.

Не раздумывая ни секунды, он решительно развернулся и бросился к ней. Не обращая внимания на сверкающие копья, он бросился на нее сверху и надежно прикрыл под собой.

Им посчастливилось спастись, Ли Чжунцянь отделался лишь легкими ранениями.

Беженцы отругали Ли Чжунцяня за его глупость: «На этот раз тебе повезло. Таская на себе этого инвалида, ты рано или поздно умрешь!»

Ли Чжунцянь молчал с угрюмым лицом. Он обнял Яоинь и скормил ей единственный кусок хлеба, который у него был с собой. Ли Яоинь отказалась есть. Она знала, что была обузой для своего брата, который не ел уже несколько дней.

Лицо Ли Чжунцяня помрачнело. Он раскрыл рот Яоинь, разломил лепешку и скормил ей по кусочкам.

«Сяо Ци, будь хорошей девочкой, брат тебя не оставит».

Ли Яоинь заплакала и покачала головой. Ли Чжунцянь взял ее за подбородок. Его узкие глаза феникса немигающе смотрели на нее: «Сяо Ци, слушай внимательно. Ты не обуза для брата. Я

заберу тебя домой. Живую или мертвую, я отнесу тебя на своей спине. Так что ты должна жить хорошо, ты поняла?»

Пятилетняя Яоинь была тронута и немного напугана. Вытирая слезы, она откусила несколько кусочков лепешки и подтолкнула оставшуюся половину к Ли Чжунцяню.

«Брат, ты тоже ешь».

Ли Чжунцянь взял лепешку, но не стал ее есть, а спрятал в рукав. Маленький кусочек хлеба в конечном счете был отложен для Яоинь, чтобы она могла его съесть.

….

Спустя столько лет, вспоминая то время, когда они бежали, спасая свои жизни, глаза Ли Яоинь все еще были красными.

- Третий молодой господин Чжэн, если бы у вас был старший брат, который бы так с вами обращался, вы бы пожертвовали всем, что у вас есть, чтобы спасти его от беды?

Глаза Чжэн Цзина слегка покраснели, и он кивнул.

Ли Яоинь улыбнулась:

- В те времена мой старший брат думал забрать нас с матерью… Но ему было всего одиннадцать лет, мать нуждалась в тщательном уходе, а я была очень болезненной. В те дни скитаний я была лишена лекарств, и не могла ни ходить, ни стоять. Каждый раз, когда мой брат проходил через рынок, он умолял врачей помочь мне. У нас не было денег, чтобы заплатить за консультацию, и мы не могли позволить себе лекарства. Они не хотели меня лечить и брат винил себя…

Одиннадцатилетний Ли Чжунцянь понимал, что он один не сможет обеспечить Ли Яоинь стабильную, безопасную жизнь. Как сказали советники Ли Дэ, когда они вернулись в уезд Вэй: «Второй молодой господин, только оставаясь в уезде Вэй, фужэнь и ее дочь могут быть в безопасности и спокойствии в хаосе мира.

Только тогда у них будет постоянный запас дорогих трав для поддержания здоровья».

Ли Яоинь склонила голову и мягко отстранила руку Чжэн Цзина:

- Старший брат боялся, что не сможет защитить меня и мать, поэтому он не осмелился скрыть свои сильные стороны. Он надел свои боевые доспехи, чтобы повести армию в бой. Однако его личность была табу для Его Величества, и он не мог небрежно выделяться, как другие принцы. Он не мог ни наступать, ни отступать, а потому просто отбросил все ограничения и плыл по течению. Но даже так он позволил мне и моей матери жить спокойно все эти годы.

Она не была любимой дочерью Ли Дэ, но кто посмел бы запугивать ее в столице?

Ли Яоинь подняла голову, ее взгляд был тверд:

- Теперь мой брат в беде. Я спасу его неважно, какой ценой. Я не пойду с вами.

Чжэн Цзин не смог ответить и растерянно опустил руки. Спустя долгое время, он он поднял дрожащую руку:

- Я отведу принцессу в павильон Лянтай.

Ли Яоинь улыбнулась ему и покачала головой:

- Нет. По этой дороге я пройду сама.

Чжэн Цзин открыл рот, но ничего не сказав, замер на месте. Он смотрел, как женщина, которую он обожал, поднимается по длинным ступеням, и ее стройная фигура растворяется в бесконечных сумерках.

В высоком павильоне Лянтай раздавалось много криков и смеха. С наступлением сумерек в павильоне зажглись сотни свечей. Фонари, расставленные по всей террасе, горели так ярко, словно небо, полное звезд, упало на землю.

Однако, когда Ли Яоинь, одетая в великолепное платье и с уложенными в высокий пучок волосами, вошла в павильон, сверкающий свет свечей внезапно померк. Все сидящие за столом замолчали и в благоговении уставились на нее. Вожди племен Ху, сидевшие за главным столом, от изумления даже опрокинули свои чаши с вином.

Ли Яоинь встретила прилив взглядов, устремленных на нее, и спокойно прошла шаг за шагом к передней части главного стола.

http://tl.rulate.ru/book/72517/2742826